

Стихотворение Всеволода Некрасова
«И я про космическое»
в контексте 1959 года

Галина В. Зыкова
*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия, gzykova@mail.ru*

Аннотация. Известное стихотворение Вс. Некрасова «И я про космическое» с его заголовочно-финальным комплексом, окончательно оформившимся через полвека после первой публикации текста, обсуждается в статье как пример концептуалистской «провокации контекстов»: название звучит репликой в споре, а дата указывает на особенно тесную связь произведения со временем его создания, – 1959 годом. В статье рассматриваются особенности влияния «космического» ажиотажа 1959 г. на образный строй и тематику произведений тех советских поэтов «старшего» поколения, творчество которых Некрасов ценил, – Мартынова и Светлова. Высказывается предположение, что одним из осознанных претекстов для стихотворения Некрасова могла быть «Параболическая баллада» Вознесенского. Связь стихотворения Некрасова «И я про космическое» с временем его создания, видимо, не ограничивается противостоянием официальной риторике; эта связь имеет не исключительно полемический, но более сложный характер.

Ключевые слова: Вс. Некрасов, «И я про космическое», альманах «Синтаксис», Л.Н. Мартынов, М.А. Светлов, В.И. Уфлянд, А.А. Вознесенский, метафора в поэзии «оттепели», космическая программа СССР

Для цитирования: Зыкова Г.В. Стихотворение Всеволода Некрасова «И я про космическое» в контексте 1959 года // Вестник РГГУ. Серия «Литературоведение. Языкознание. Культурология». 2024. № 9. С. 161–173. DOI: 10.28995/2686-7249-2024-9-161-173

Vsevolod Nekrasov's poem "And I mean the Cosmic"¹ in the context of 1959

Galina V. Zyкова

*Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia,
gzykova@mail.ru*

Abstract. The article considers V. Nekrasov's famous poem "And I mean the Cosmic" with its title-final complex, which was finalized half a century after the first publication of the text, as an example for conceptualist "provocation of contexts": the title sounds a rejoinder in a dispute, and the date indicates a particularly close relation of the work to the time of its creation – 1959. The article focuses on the specifics of the influence by the "cosmic" excitement of 1959 on the figurative structure and themes of the works of those Soviet poets of the "older" generation, whose work Nekrasov valued – Martynov and Svetlov. It is suggested that one of the realized pretexts for Nekrasov's poem could be Voznesensky's "Parabolic Ballad". The connection between Nekrasov's poem "And I mean the Cosmic" and the time of its creation is apparently not limited to opposition to official rhetoric; the connection is not exclusively polemical, but of a more complex nature.

Keywords: Vsevolod N. Nekrasov, "And I mean the Cosmic", almanac "Syntax", Leonid N. Martynov, Mikhail A. Svetlov, Vladimir I. Uflyand, Andrei A. Voznesensky, metaphor in the language of the Russian poetry Thaw era the USSR space programme

For citation: Zyкова, G.V. (2024), "Vsevolod Nekrasov's poem 'And I mean the Cosmic' in the context of 1959", *RSUH/RGGU Bulletin. "Literary Theory. Linguistics. Cultural Studies" Series*, no. 9, pp. 161–173, DOI:

Памяти Анны Юрьевны Чудецкой

Введение

В подборке ранних стихов Всеволода Некрасова, вошедших в первый, «московский», выпуск (1959) самиздатского альманаха

¹ Мы используем здесь перевод названия стихотворения, предложенный Б. Шаевич и Э. Морс (см.: *Nekrasov V. I live I see. Selected poems* / Transl. by A. Morse, B. Shayevich. Brooklin, N. Y.: Ugly Duckling Presse, 2013).

«Синтаксис», есть текст, принадлежащий, кажется, к наиболее известным произведениям поэта, – может быть, и потому, что он, как выразилась М. Кучерская, «один из самых прозрачных для восприятия»², – «И я про космическое»:

И Я ПРО КОСМИЧЕСКОЕ

Полечу или нет – не знаю –

До луны или до звезды.

Но луну я пробовал на язык

В сорок первом году в Казани.

Затмение. Война.

Тем не менее – луна.

Белый

Свет,

Белый

Снег,

Белый

Хлеб, которого нет.

Никакого нет.

Я давным-давно вернулся в Москву:

Я почти каждый день обедаю.

А на вид луна была вкусная,

А на вкус луна была белая³.

Из своей подборки «Синтаксиса», по мнению автора – подготовленной наспех и содержавшей слишком незрелые вещи, Некрасов

² Кучерская М. Сборник стихов Всеволода Некрасова: авторский свод // Ведомости. 2012. 2 авг. Для репутации стихотворения показательно, что именно оно, для автора совсем раннее, выбрано критиком как визитная карточка полвека спустя. «И я про космическое» нередко выбирают как любимый текст те, кто читает стихи Некрасова публично вслух; его декламация входит, например, в состав музыкальной композиции группы «Зеленый лес» (запись 19.09.2020. URL: <https://www.youtube.com/watch?v=AACTy17AcS0&t=4s> (дата обращения 30.05.2024)).

³ Дается по версии «Синтаксиса». Электронную копию машинописной страницы из «Синтаксиса» см.: <https://collections.library.utoronto.ca/viewer/mirador/index.html?manifestId=https://iif.library.utoronto.ca/presentation/v2/samizdat:10670/manifest> (дата обращения 30.05.2024). Изменения текста при дальнейших прижизненных перепечатках были минимальны и затрагивали только область графического (сдвиги вправо, межстрочные интервалы и увеличение пробелов между словами, отказ от знаков препинания и прописных букв).

позже «стихами считал» только это⁴, републиковал и в «тамиздате» (1981), и – несколько раз – в своих постсоветских книгах в России; стихотворение вошло и в наиболее репрезентативный свод, составленный автором в первой половине 1980-х гг.

Для «взрослых» стихов Некрасова наличие названия совсем не характерно, – как, кстати, и вообще для русской поэзии второй половины XX в. Обсуждаемое стихотворение в этом отношении довольно необычно, если воспринимать его в контексте некрасовского творчества в целом, «с точки зрения будущего»⁵.

В 1999 г., в своем сборнике «Лианозово», мемуарном и полемическом, включившем стихи 1950–1960-х гг. а также, в частности, прозаическую летопись «Моя лианозовская хроника», Некрасов ставит после стихотворения дату: 1959⁶. Он воспринимал ее как значимую *часть текста*: дата будет дана и в еще одной прижизненной републикации стихотворения⁷. Дата как часть текста у Некрасова – хоть и не исключительный, но очень редкий случай (как и, напомним, название).

Таким образом через полвека после публикации в «Синтаксисе» сложился «заголовочно-финальный комплекс»: название заставляет понимать стихи как реплику в продолжающемся разговоре, и дата усиливает это впечатление, указывая на тесную связь произведения со временем его создания.

Е.Н. Пенская вспоминает, как Некрасов в 2004 г. в устной беседе объяснял художественную плодотворность того, что он называл «провокацией контекстов», понимая ее как работу «с читательско-зрительским опытом, памятью, житейской практикой – той совокупностью обстоятельств, которые обуславливают реакцию аудитории»⁸.

⁴ Некрасов Вс. «В Лианозово меня привезли осенью 1959-го...» // «Живем словом»: Всеволод Некрасов в письмах и воспоминаниях. М.: Изд. дом Высшей школы экономики, 2022. С. 142.

⁵ Заметим, что название у стихотворения сохранится во всех позднейших републикациях, – хотя в других случаях Некрасов мог от названий и отказываться: так произошло, между прочим, с самым, наверное, известным стихотворением Некрасова, «Свобода есть свобода...»: в одной из ранних графических версий оно называлось «Стихи ямбом». В контексте же «Синтаксиса» тут ничего необычного нет: все стихи некрасовской подборки здесь имеют названия.

⁶ Некрасов Вс. Лианозово. М.: Век XX и мир, 1999. С. 35.

⁷ Некрасов Вс. Живу Вижу. М.: Крокин галерея, 2002. С. 13.

⁸ Пенская Е.Н. «Провокация контекстов» в мемуарных записках Евгении Тур // Международная конференция «Маргиналии-2012: границы культуры и текста», Касимов, 24–26 августа 2012 г.: Тезисы докладов. М., 2012. С. 57.

В ЗФК, окончательно оформившем раннее стихотворение, есть это концептуалистская по своему существу попытка организовать ситуацию восприятия: попытка заставить читателя угадать контексты, из которых вырастают эти стихи. Некоторые контексты очевидны – социально-политические, исторические в первую очередь; некоторые – собственно литературные – могут только угадываться.

Предлагаемые ниже рассуждения представляют собой попытку поиска и описания возможных контекстов стихотворения. Комментарий указанного издания Некрасова до сих пор нет, хотя М.А. Сухотин, поэт и исследователь творчества Некрасова, прокомментировал многие тексты упоминавшегося выше авторского свода [Сухотин]⁹. Есть комментарий и для интересующего нас стихотворения, очень полезный, но недостаточный; приведем его полностью, чтобы масштаб и характер возможных дополнений был яснее:

«1959 (авторская дата как часть в “Живу вижу”). Во время войны Некрасов жил в эвакуации в Казани. Это был очень тяжелый период в его жизни: там от голода погиб его отец¹⁰, сам он, по его словам, ни разу не был сытым и даже попал в больницу с диагнозом “дистрофия”. Жили они в дощатом доме с постоянными сквозняками и без отопления. К теме жизни в эвакуации Некрасов обращался в своем творчестве неоднократно; см. позднейшую поэму Некрасова “Казань реально” (журнал “Знамя”, № 9. 2009, публикация А.И. Журавлевой). *Затемнение* – термин военных лет, вынужденное отсутствие электрического света в городе, чтобы помешать ориентированию вражеских бомбардировщиков и артиллерии» [Сухотин]¹¹.

⁹ Поскольку работа над комментарием, публикуемом на сайте НИУ ВШЭ «Всеволод Некрасов. Литературный архив», видимо, продолжается, мы ее не датируем. На другом ресурсе комментарий ранее публиковался как завершённый, с предисловием, где датировался 2012–2015 гг. (URL: [https://frkr.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/commenttohercules\(old\).pdf](https://frkr.ru/FRIENDS/SUHOTIN/Statji/commenttohercules(old).pdf)) (дата обращения 30.05.2024).

¹⁰ О предположительно уточненных уже после смерти поэта обстоятельствах гибели Николая Матвеевича Некрасова, видимо, еще более драматических, чем представлялось сыну, см.: «Живем словом»... С. 60.

¹¹ Некоторые случаи современного восприятия этого фрагмента стихотворения под воздействием позднейшего идеологического контекста убеждают, что реальный комментарий, кажущийся почти избыточным, на самом деле, видимо, не лишний. Morse и Shayeveich перевели «затемнение/война» как “darkness/war” – не то чтобы неточно, но заменив исторически очень конкретное явление абстрактной «темнотой»; рецензент Ariell Casciola, прочитав стихи, поняла их следующим образом: “The white moon and

* * *

Исторический контекст, который прежде всего необходимо учитывать, чтобы буквально понимать стихи Некрасова, конечно, связан с успехами советской космической программы «Луна», достигнутыми именно в 1959 г. В ноябре 2024 г. искусствовед Анна Юрьевна Чудецкая на круглом столе в ГМИИ, обращаясь к присутствовавшим студентам, напоминала, на каком фоне возникли стихи Некрасова с их мотивами неизживаемой боли, боли вполне индивидуализированной¹² и при этом исторически определенной — на фоне торжества по вполне определенному поводу, торжества, воспринимавшегося, видимо, как обязательное¹³. Успехи космической программы сразу же стали *темой для советских поэтов*. Трудно сказать, что из массовой продукции попадалось Некрасову на глаза; но можно поискать стихи «про космическое» у тех, старших, кого Некрасов высоко ценил, а также у тех ровесников, на кого Некрасов всегда смотрел со смешанными чувствами, но пристально. И если заранее понятно, как отличаются интонации стихов Некрасова от, условно говоря, газетной передовицы, то со стихами поэтов сильных, хотя и принадлежащих вроде бы официальной культуре, «И я про космическое» соотносится более сложным образом.

every other white entity is something to strive for in comparison to the darkly benighted Soviet Russia... Bleakness and misery seem to be the reigning order...” (URL: <https://wordswithoutborders.org/book-reviews/vsevolod-nekrasovs-i-live-i-see/> <дата обращения 17.08.2024>).

¹² Слово «я» в поэзии Некрасова, между прочим, встречается сравнительно редко, а здесь оно не только повторяется в небольшом тексте четыре раза, но и оказывается в позиции анафоры.

¹³ Круглый стол «Вслед за выставкой “Живу и вижу. Художники и поэты круга Всеволода Некрасова” в Волго-Вятском филиале ГМИИ им. А.С. Пушкина. К 90-летию Эрика Булатова» состоялся в ГМИИ 24 ноября. Аудиозапись: <https://www.youtube.com/watch?v=Wm5AFpuNg2w&ysclid=lwyrprkn992612396> (дата обращения 30.05.2024); таймкод 01:05 соответствует началу выступления художника Леонида Тишкова, который говорил о своем арт-проекте «Частная луна» начала 2000-х гг. и о его части: «Луна Всеволода Некрасова», посвященной поэту и предназначенной для него (вот здесь можно получить представление об этой вещи: https://leonidishkov.blogspot.com/2016/11/blog-post_51.html (дата обращения 30.05.2024)). Тогда же Тишков прочитал «И я про космическое», и это чтение побудило Чудецкую прокомментировать стихи. Несколько дней спустя Анна Юрьевна, курировавшая в ГМИИ коллекцию русского нон-конформистского искусства, собранную Некрасовым, погибла в Нижнем Новгороде, куда поехала закрывать выставку...

У Л. Мартынова «космическое» в 1959 г. влияет на язык, на выбор тропов:

Невозможно
Жить на белом свете
И кружить лишь по своей орбите...

Но согласие пользоваться языком эпохи у Мартынова не предполагает непременно пафоса. В 1996 г. Некрасов писал об этом свойстве Мартынова: «Перед всей его поэзией стоит вводная фраза, в которую тут претворилась вся пародия, рефлексия, – фраза *как говорится*. <...> Общая речь, за которую автор не прячется и не высмеивает ее, а сливается и разделяет с ней ответственность за это *как говорится*. <...> Тут мелькнуть могут и советские нотки – но не как качество самой этой речи, стиха, а как хвосты смыслов, привкусы тем, как бы внешние факты биографии. Тут есть следы драмы, а как не быть следам такой драмы на советскую тему в нашей общей речи»¹⁴.

«Космическое» у Мартынова используется как материал для тропов, не переопределяя картину мира. Это отчетливо видно, например, в стихотворении того же 1959 г. «Небо и земля»:

В расширяющейся Вселенной, –
Если это действительно так,
Что ты чувствуешь,
Обыкновенный
Человек,
Неученый простака?

Роль «неученого простака», столь явно не подходящую для времен научно-технической революции, Мартынов оставляет для себя, и в этом, кстати, возможно, – одна из причин упорных симпатий Некрасова к Мартынову¹⁵.

¹⁴ Некрасов Вс. Родился я в 1934 в Москве // «Живем словом»... С. 16–17.

¹⁵ В стихах Некрасова эта роль «обыкновенного человека» проявляется более сложным образом, но в прозаических текстах – вполне декларативно; см., например, в письме Сатуновскому (тоже, заметим, написавшему: «Мужественно: утром пить водку натошак (предпочитаю кофе)...»): «На самом деле никем быть ох как непросто. Еще, может, труднее всего. Это не только по индийской философии так, это по самой что ни на есть окружающей нас действительности. ...<С>покойно жить, не обнаруживая в себе, не выискивая так называемых дарований, ей богу, самое редкое дарование и есть» (б. д., опубл.: «Живем словом»... С. 179).

Дискуссионная научная гипотеза обыгрывается вполне «непрогрессистским» образом:

И когда
Разбеганье галактик
Наблюдаешь в космической мгле,
То, не столь теоретик, сколь практик,
Обращаешь ты взоры
К земле.
Всё
Стремится
Здесь сблизиться, слиться...¹⁶

У Светлова в стихах 1959 г. «космическое» и земное, огромное, отвлеченное, частное и конкретное могут демонстративно сближаться:

Вижу все – и морей просторы,
И болотную вижу гать,
Вижу – мальчики через заборы
Лезут яблоки воровать.
Встретил старого пенсионера,
Покаякали час-другой...
Вижу улицу, вижу эру,
Вижу спутника над собой!¹⁷

Почти к пародии на этот прием (или и к пародии на адресата) Светлов подходит, «сближая с земным» именно небесные светила, когда в посвященном Сельвинскому стихотворении «Для того живем со дня рожденья» восклицает: «Пусть, как добрые милиционеры, / Звезды мне указывают путь!»¹⁸

¹⁶ Цит. по: Мартынов Л. Стихотворения и поэмы. Л.: Советский писатель, 1986. С. 225.

¹⁷ «Так живу я». Цит. по: Светлов М. Стихотворения и поэмы. М.; Л.: Советский писатель, 1966. С. 348.

У Светлова, однако, в 1959 г. находится и стихотворение про то, как «Не водородная, а всенародная / Летит ракета на Луну» («Придем!»), Его образцовую тривиальность Светлов, кажется, пытался смягчить стилистической имитацией «простодушья»: рифмами, основанными на морфологическом параллелизме, конструкциями, свойственными устной речи, прозаизмами: «И верят все, кого ни спрашивай, / В наш исторический подъем! / Планеты ждут прихода нашего, / Мы обязательно придем!» (Светлов М. Указ. соч. С. 352–353).

¹⁸ Светлов М. Указ. соч. С. 352.

Вообще с небесными светилами, луной в частности, но не только луной, в поэзии этого времени связывается очень много тропов, прежде всего сравнений, в разной степени удачных, но неизменно претендующих на новизну. В зрелом творчестве Некрасова сам тип построения высказывания будет предполагать отказ от тропов, особенно от сравнений, по крайней мере на уровне формы: явления и понятия, поставленные рядом, у Некрасова семантически сближаются, подчиняясь «единству и тесноте стихового ряда», но не будучи при этом элементами тропа как определенной конструкции¹⁹. В стихотворении «И я про космическое» тропов уже нет (хотя вообще в «долианозовских» стихах Некрасова их очень много, о чем он сам потом вспоминал с неудовольствием²⁰): луна не сравнивается с хлебом, она его заменяет, ее действительно «пробуют на язык». Рискнем предположить, что – помимо всего прочего – найденный здесь способ обойтись без тропа, главного и общего орудия, способ, найденный во времена доминирования тропов, определяет отношение Некрасова к этому тексту: автор готов «считать» его «стихами». И все-таки можно ли найти в «космической» поэзии 1959 г. что-то, что могло заставить возражать всерьез? Позволим себе здесь забежать вперед и, думая про возможные реакции Некрасова в 1959-м, вспомнить про его гораздо более поздние стихи, написанные в конце 1970-х, «Про Сатуновского»: они строятся как противопоставление двух речевых манер: своей собственной и Вознесенского.

– Яков?	Яков Абрамыч
Яков Абрамыч?!	и Яков Абрамыч
Я –	И я
Яков Абрамыч!!!	Как Яков Абрамыч
(Вознесенский бы Сказал)	(я сказал) ²¹

¹⁹ О поэзии, отказывающейся от тропов, говорил, в частности, в 1991 г. Г. Айги на вечере памяти Я.А. Сатуновского в Литературном музее (фрагментарная видеозапись, таймкод 42:56, URL: https://www.youtube.com/watch?v=WKOQDoMxK_8&t=9s [дата обращения 30.05.2024]).

²⁰ См. об этом в незавершенном, по-видимому, тексте, написанном примерно в 1983 г. и опубликованном посмертно под условным названием «О метафоре в поэзии 1950–1960-х годов: из статьи об акции группы “Коллективные действия” “Темное место”»: «Живем словом»... С. 32–33.

²¹ Дается по изданию: *Некрасов Вс.* Стихи: 1956–1983. Вологда: Библиотека московского концептуализма Германа Титова, 2012. С. 525.

Среди прямых свидетельств того, что Некрасов думал о Вознесенском и определенным образом соотносил с ним себя и раньше, – например, его привычка напоминать, что «Антистих», напечатанный, конечно, позже «Антимиров» Вознесенского (1961), написан на год раньше (в 1960-м)²². Осенью 1959 г. Некрасов публикует в многотиражке МГПИ им. В.П. Потемкина (где он тогда учился) юмореску про институтское литературное объединение (оно для Некрасова было, судя по его позднейшим воспоминаниям, важно), и, в частности, рассказывает про «гостей», есть и про Вознесенского – вот так:

Был еще Андрей Вознесенский. (Читали что-то, не помните что?)
 «Перроны, пилоны, как сахар пиленный,
 Сверкнут оперенно дома из перлона...»
 – Вспомнили? Это «Мастера», печаталось год назад в «Литературной газете»²³.

На самом деле «Мастера» были напечатаны в «Литературной газете» не «год назад», а несколько меньше: в январе 1959 г. Наверняка молодой Вознесенский читал ровесникам не только уже напечатанные стихи. Хотя Некрасов здесь выбирает у Вознесенского явно не самые удачные строчки, творческие возможности Вознесенского он, видимо, все-таки оценивал достаточно высоко. В уже упоминавшейся статье 1983 г. Некрасов признает:

Пожалуй, единственный, у кого эти образы-метафоры и правда получались, был Вознесенский. А больше такое острое переживание, кажется, никому не давалось, хотя чуть не все пробовали²⁴.

²² Известная эпиграмма, отвечающая на «Гойю», датируется пока очень неопределенно (не позднее 1967 г.); само стихотворение Вознесенского написано в 1959 г.

²³ Права и обязанности // За педагогические кадры. 1959. 23 окт. С. 4. Не подписано, атрибутировано М.А. Сухотиным по черновой рукописи, найденной в бумагах Некрасова. Время публикации юморески, возможно, имеет значение: как раз в октябре (7-го) советская межпланетная станция начала съемку обратной стороны луны.

²⁴ «Живем словом»... С. 33. Среди многочисленных запоминающихся тропов раннего Вознесенского есть, кстати, и такие, которые напоминают «И я про космическое» и даже, возможно (но недоказуемо) как-то повлияли на Некрасова, – например, съедобным оказывается несъедобное: «И воздух, как краюшку / Морозную, жую» (Март»), в том числе и в стихах о войне, голоде и превращении именно в «хлеб» того, что им не является:

Стоит добавить, что при всем очевидном несхождении Некрасова и Вознесенского – противоположности социокультурной позы, принципов развертывания поэтического высказывания, отношения к романтическому, условно говоря, представлению о месте поэта в мире и т. п., – в их поэтике есть и общее, и оно не ограничивается попытками раннего Некрасова работать с тропами. Для обоих важен графический облик текста; что еще существеннее, для обоих паронимия – один из главных приемов организации стиха...

В 1959 г. в октябрьском номере журнала «Москва» была напечатана «Параболическая баллада» Вознесенского; он мог читать ее, только что вышедшую, в ЛИТО МГПИ; Некрасов мог видеть ее и в журнале. У Некрасова нет прямых отсылок к этой вещи Вознесенского. Но связь представляется вероятной; то, как соотносятся «Параболическая баллада» и стихотворение Некрасова, напоминает двухчастный текст «Про Сатуновского»: Вознесенский напористо самоутверждается, а интонации Некрасова изображают нечто противоположное романтическому напору:

Судьба, как ракета, летит по параболе.

<...>

А я все лечу...

Полечу или нет – не знаю...

Сметая каноны, прогнозы, параграфы,

Несутся искусство, любовь и история...²⁵

В отличие от большинства, как можно предположить, «космических» стихов 1959 г. у Вознесенского и Некрасова летит (или, напротив, от полета отказывается) сам лирический герой (вот у Светлова, например, коллективное «мы»). Сопоставимы и некоторые менее существенные детали лирического сюжета: так, в обоих текстах упоминается не только некоторое личное прошлое (детство или отрочество), но и географически далекое пространство (Казань, Сибирь) и связанный с этим мотив возвращения. У Вознесенского (как, разумеется, и у Некрасова) речь не заходит о тех исторических событиях 1959 г. – полетах советских межпланетных станций на Луну – которые при этом задают основную метафору стихотво-

в «Балладе 41-го года» рояль должны разрубить на дрова, а в финале стихотворения уже, видимо, сам поэт (в духе подражания Христу?) говорит о себе: «Я... стану... Теплом и хлебом для людей». (Оба стихотворения цит. по: *Вознесенский А. Мозаика*. Владимир: Владимирское кн. изд-во, 1960. С. 7, 13–14).

²⁵ Цит. по: *Вознесенский А. Указ. соч.* С. 19–20.

рения. Среди существенных для стихотворения Некрасова контекстов, которые мы не будем здесь сколько-нибудь подробно рассматривать, – *во-первых, контекст самого «Синтаксиса»*, в котором, как и вообще в русской поэзии 1959–1960 гг., «космического» довольно много, и текстом Некрасова оно не ограничивается, – например, в третьем, «ленинградском», выпуске есть «К запуску космической ракеты» Д. Бобышева, осуждающее космические полеты, когда «жратва еще не даровая»: «...приспособлены нарочно скорости / О заграничные планеты / Расплющивать живые кости»²⁶ (не имитируется ли здесь в духе традиции обэриутов голос простеца?)

Еще интереснее – потому что тут уже можно увидеть некоторый сознательный отклик на Некрасова – стихотворение В. Уфлянда «Набрав воды для умывания...», которое заканчивается следующим образом:

Рабочий воду выливает
В соседские кусты малины.
Кисет с махоркой вынимает
И думает:
– Вот будет крику,
коль обнаружится внезапно,
что лунный у малины привкус,
что лунный у малины запах!²⁷

Здесь о стихах Некрасова напоминает не только то, что у луны обнаруживается какой-то вкус (белый у Некрасова, не уточняемый у Уфлянда), но и синтаксический параллелизм последних двух строк в обоих текстах. Луна, имеющая вкус, – вообще очень нередкий образ в мировой культуре, и присутствует, например, в известной старинной басне или анекдоте о глупце, который видит съедобную луну (сыр) в колодеце. К этой старинной басне явно близок Уфлянд: и дело не только в том, что у Уфлянда есть отсылающая к ней деталь – колодец; стихи Уфлянда рассказывают историю о *другом*, у него есть персонаж – «рабочий»; правда, абсурдистские стихи 1959 г., в отличие от басни, рассказывают не об обмане, на который поддался дурак, но, напротив, в интонациях степенного

²⁶ Цит. по антологии «Неофициальная поэзия». URL: <https://rvb.ru/nr/publication/05supp/syntaxis/3/bobyshev.htm#verse3> (дата обращения: 30.05.2024).

²⁷ Цит. по антологии «Неофициальная поэзия». URL: <https://rvb.ru/nr/publication/05supp/syntaxis/3/ufljand.htm#verse6> (дата обращения: 30.05.2024).

человека, свойственных изображенному персонажу, – о вполне заурядной, хотя и досадной неприятности. Голос в стихотворении Некрасова – лирический, а не изображенный; взрослый дурак из древней басни у Некрасова превращен в ребенка, и речь идет уже не о заблуждениях и связанных с ними действиях, а об ощущениях, прямо физических. Наконец, еще один возможный контекст – контекст ранних стихов самого Некрасова, не публиковавшихся автором, но сохранившихся. «Космическое», как и многие другие реалии и идеологемы времен оттепели, ожидаемо появляются в этих текстах и трактуются весьма разнообразно: описание и анализ этого материала может представлять исторический интерес.

Итак, полемическая связь высказывания Некрасова с 1959 годом, видимо, не ограничивается противостоянием официальной риторике; и, кроме того, эта связь имеет не исключительно полемический, но более сложный характер.

Литература

Сухотин – *Сухотин М.А.* Комментарий к «Геркулесу». URL: <https://philology.hse.ru/vnekrasov-archive/hercules> (дата обращения 30.05.2024).

References

Sukhotin, M.A., *Commentary on “Hercules”*, available at: <https://philology.hse.ru/vnekrasov-archive/hercules> (Accessed 30 May 2024).

Информация об авторе

Галина В. Зыкова, доктор филологических наук, доцент, Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия; 119991, Россия, Москва, Ленинские горы, д. 1, стр. 51; gzykova@mail.ru

Information about the author

Galina V. Zykova, Dr. of Sci. (Philology), associate professor, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia; bldg. 51, bld. 1, Leninskie Gory, Moscow, Russia, 119991; gzykova@mail.ru